

Первая леди для Президента

Автор:

Ульяна Соболева

Первая леди для Президента

Ульяна Соболева

Я не знала жив ли он и где находится теперь. Но я должна была его найти, потому что человек не может просто так исчезнуть. А когда найду, возможно я об этом очень сильно пожалею. У холодного Айсберга нет сердца.

Очень жестокий герой с огромной властью

Альтернативная Россия

ХЭ

ОСТОРОЖНО ЕСТЬ МАТ! НЕГАТИВ ЧИЩУ! В КНИГЕ МНОГО СТРАДАНИЙ! Розовые Единороги сдохли!

Содержит нецензурную брань.

Ульяна Соболева

Первая леди для Президента

Глава 1

Схватила его за волосы и заставила посмотреть себе в глаза.

– Что ты там видишь? Что видишь?

– Себя, – сказал срывающимся голосом.

– Потому что там ты. Везде во мне ты. Я состою из тебя, а ты из меня. Ты можешь меня ненавидеть? Давай! Возненавидь меня! Можешь?

(с) Черные вороны 8. На дне. Ульяна Соболева

Люди боятся кошмаров, а зря, гораздо страшнее проснуться после сна, в котором ты был безумно счастлив, и понять, что на самом деле ничего этого нет и...ты находишься в жутком кошмаре наяву и только мечтаешь, чтобы уснуть снова. И не можешь навсегда...Потому что есть маленький комочек, которому ты нужна, а тебе временно...ты временно под наркозом. Вспомнила, как в больницу попала...Как открыла глаза и увидела лицо медсестры. Явь отличалась от сна...Наяву все случилось совершенно иначе.

– До выкидыша себя довела. Организм слабый, измученный и родами, и новой беременностью. Дамочка, кто ж такой перерыв делает? Сколько сыну? Полгода? Кормите ж еще! А у вас уже девять недель беременности было!

Рука невольно сама легла на живот. Боже! Неужели? Один раз...один единственный...

– Как до...до выкидыша?

Едва слышно спросила я, чувствуя, как боль возникает постепенно издалека. У нее очень острые клыки.

- Вот так. Кровотечение открылось, и плод замер. Пока были без сознания, вас в операционную и почистили.

Прижимая руки к груди, отвернувшись, кусая губы. Больно. Как-то по тупому, по ужасно тянучему больно. Осознание, что во мне умер ЕГО малыш, окончательно ударило по нервам, и мне стало так плохо, что, казалось, я задохнусь.

- Успокоительное колят! У нее приступ панической атаки!

- Ннет...не надо... я кормлю. НЕ колите. Сейчас пройдет.

Хватаясь за горло и поднимаясь на постели, чтобы сесть и отдышаться. Потому что я вроде бы дышу, а внутри кислорода нет.

- Пусть хоть валерианки дадут.

Послышался голос Ларисы Николаевны.

- Если ничего серьезного, я ее забираю домой.

Боже, мне кажется, я все это видела во сне... в своем счастливом сне, только в нем мой ребенок выжил и...Айсберг пришел за нами.

- Ничего серьезного. Выкидыш произошел на маленьком сроке. Надо сдать все анализы. Через пару недель провести плановое УЗИ, проверить - ничего ли там не осталось. Развитие эмбриона соответствовало девяти неделям. Сколько там на самом деле - непонятно, так как, насколько я поняла, менструация не возобновилась, верно?

Я кивнула. С одного раза. Одного единственного раза. Меня же уверяли, и я знала, что пока кормишь, обычно не беременеешь, у меня и в мыслях не было. Наверное, я была бы ему рада...Еще одному ребенку от Айсберга. А теперь я совершенно пустая. Из меня словно выскоблили не только моего малыша, но и куски моей души.

В кабинет кто-то зашел и позвал врача. Я услышала издали.

– Ты слышала, что в морге ментов полно?...тело Мишки, бывшего следака, нашли. Расчлененное. Выбросили на свалку, там его собаки трепали, говорят, еле опознали. Бомжи наткнулись.

– Ужас какой... с ума сойти! Да ты что!

– Ага. Теперь весь город перевернут.

– А таким тихоней был, а тут на тебе – и уволили за преступления, и теперь...так зверски убили.

– В тихом омуте, Наташа...

Я глаза закрыла, и меня опять затошнило. А ведь права была Лариса Николаевна. Это ОН. Больше никто так жутко наказать не мог. Никто так жутко и так быстро и...так нагло. Или я просто хотела бы в это верить. Не присматривает он за мной. Он исчез. Он нас с Льдинкой бросил. Оказывается, каждый раз осознавать это больнее, чем в прошлый.

– Ну что? Пишем отказ от госпитализации и домой? Или подержим вас немножко? Проверим?

– Нет, домой. У меня ребенок маленький там. Мне не до больниц.

– Ну пишите тогда отказ и езжайте. Если что, возвращайтесь и госпитализируем.

– Спасибо. Надеюсь, не придется.

Потом наклонилась ко мне.

– Не переживайте, так бывает. Вы молодая еще. Забеременеете еще. Переждите полгодика, и можно снова пробовать. Как раз ваш малыш подрастет. Папочку успокойте и сами не переживайте.

А мне захотелось еще громче заорать от боли, разрывающей всю душу. Плевать его папочке. На все ему плевать.

Открыла глаза и села на постели, тяжело дыша. Скоро полгода, как нет от него ничего. Нигде ничего, как будто исчез человек, как будто испарился совершенно... И закрадываются мысли, а вдруг с ним что-то случилось? Вдруг он...вдруг что-то страшное, что-то не поддающееся человеческому пониманию. Я устала ждать вестей каждый день. Устала плакать и не понимать, что происходит. Я правду знать хочу. Любую правду. Пусть даже самую болезненную и страшную.

После того сна я так и не пришла в себя. ОН мне снился и снился...Именно тот сон. Как он кольцо мне на палец надевает, и как я говорю ему «да». Бесконечно долгий сон и такой счастливый, что после пробуждения хочется орать и выть от адской боли пустоты.

- Свадьба – это плохо, дочка.

Лариса Николаевна налила кофе мне в чашку, когда вышла в три часа ночи следом за мной на кухню. После выкидыша молоко пропало, и я кормила Льдинку кашками и постепенно вводила самую обычную «взрослую» еду. Вернулась к кофе, иногда ужасно хотелось закурить. Но ведь я не курю и не курила никогда...а в память подбрасывала этот ошizenно любимый запах сигарет, его парфюма и запах кожи. Его кожи.

- Свадьба снится к смертельной опасности и к неприятностям. Себя в фате видела?

Кивнула и отпила горячий напиток, кончики пальцев казались холодными и не согревались даже от кофе. Ноги тоже ужасно замерзли.

- Я...мне уехать надо, – вдруг решительно произнесла я и увидела, как она вздрогнула. А...мне вдруг стало понятно, чего я хочу и что мне нужно сделать, чтобы не сойти с ума.

- Что значит уехать?

- Да...мне надо уехать. С одним человеком встретиться и узнать все про НЕГО.

- Марина! Я даже слышать этого не хочу!

- Мне...мне кажется, с ним случилось что-то ужасное, что-то очень плохое.

- Пару месяцев назад ты считала, что худшее, что случилось - это то, что он тебя бросил.

- Да, я так считала. Тогда. А сейчас с каждым днем все страшнее, потому что такие люди, как он, вот так не исчезают. Батурин политик. Он мог залечь на дно на какое-то время, но не исчезнуть.

Лариса Николаевна отодвинула от себя чашку с чаем.

- Ты какую ночь не спишь?

- Я сплю.

- Ложь! Ты не спишь! Я вижу, как ты возле окна стоишь...как ходишь по комнате слышу. Тебе бы к психологу сходить. Да, непросто принять, когда мужчина отворачивается, но так бывает у нас женщин. Плюс выкидыш...Это все нелегко принять, но такова жизнь. Понимаешь?

- Понимаю...но это не тот случай. Не тот.

- Тебе очень хочется в это верить.

- Мне кажется, я это знаю. Я должна уехать. Вы побудете с Льдинкой?

Она сильно сжала руки, сдавила так, что побелели костяшки пальцев.

- Куда ты поедешь?

- К человеку, который может знать, где...он...Хочу увидеть и поговорить лично.

Я знала ее адрес, помнила его наизусть и от всего сердца молилась, чтобы она никуда не уехала и не исчезла так же, как и ОН.

Нас с этой женщиной связывало многое, в том числе и вражда. Я помнила все то, что она сделала и как помогала Людмиле...Боже! Мне страшно подумать, что она была моей матерью. Уж лучше быть сиротой и никогда не знать о такой родственнице.

Я все еще не переварила свое родство с ней, такое родство. НЕ переварила то, что моя собственная мать от меня отказалась и предпочла ничего обо мне не знать... а когда узнала, то сочла лучшим выходом – убить меня. Все, что нас с ней объединяло – это адская и невыносимая любовь к одному и тому же мужчине...как и Надю, мою самую настоящую мать. Все мы, как проклятые, были обречены сгореть дотла от любви к Айсбергу.

Мне было страшно подумать о том, как я буду скучать по Льдинке... Мы никогда так надолго не расставались, я даже в дороге постоянно вздрагивала от мысли о моем малыше и о понимании, что я ужасно буду тосковать по моему мальчику. Но, наверное, я была бы не я, если бы не поехала искать его...Мне казалось, что я буквально всеми своими фибрами чувствую – с ним что-то случилось.

И ОНА могла об этом знать. Эта женщина. Эта ведьма, которая многое изменила во мне и сделала меня той, кем я являюсь сейчас.

Я поднялась по знакомой лестнице вверх, подошла к знакомой двери и позвонила в звонок. Услыхала тявканье собаки, вся подобралась. У кого угодно могла быть собака. Дверь открылась, и я замерла, увидев на пороге женщину с красивой укладкой и аккуратно покрашенным лицом.

– Здравствуйте, Эллен.

– Мон шер...это вы? А точнее, вы ли это?

Тонкая рука приспустила очки, чтобы получше меня рассмотреть.

– Похудела, одета в безвкусицу, прическа мрак, макияж отстойный, или как там говорит молодежь?

– Можно я войду?

Наверное, какие-то секунды она все же думала, но потом посторонилась и впустила меня. Как и всегда мне дали тапочки, у меня забрали пальто. В ее доме ничего не изменилось. Все также пахнет Шанель «№19», все также к нему примешивается аромат трав и лекарств, а еще одиночества и старости. Сама Эллиен тоже изменилась. Сдала. Хотя и ухаживала за собой, по-прежнему с маникюром, по-прежнему с идеальным макияжем, и на одежде ни одной складочки, а на колготках – морщинки.

«Запомни, деточка – морщины на колготках хуже дырки и стрелки»

– Мятный чай?

Я кивнула. Сердце тревожно бьется, и, кажется, я сейчас хлопнусь в обморок, так меня свела с ума эта встреча, как некое звено между ней и Айсбергом, как зыбкий мостик, перекинувшийся из прошлого в настоящее. И настолько невыносимая тоска по нему, так, что выть захотелось и рыдать навзрыд. В горле пересохло и перехватило дыхание.

– Не оттопыривай мизинец. Что за мещанские замашки?

Она нарушила молчание, пока мы пили чай и смотрели то в сторону, то друг на друга. Невольно убрала мизинец. Потом все же спросила.

– Вы...вы знаете, где он?

– Кто?

Деланно с любопытством спросила она. А по глазам видно – она знает, о ком я спрашиваю.

– Петр.

– Так ведь умер, царствие ему небесное.

Я резко поставила чашку на стол, а она оглянулась по сторонам и приложила палец к губам. Я вздрогнула, понимая, что она имеет в виду – в ее доме может быть прослушка. На секунду забывая кто он и что вокруг него вертится, в кого

меня угораздило...вот так, что теперь кажется, я к нему припаяна ржавым железом, вросла в мясо.

- Пошли прогуляемся, девочка. Зайдем в кондитерскую, купим печенье. Помянем Питера. Он был для меня очень близким человеком. Я его безгранично любила.

И я вдруг поняла, что за все мое время пребывания в ее доме – она ни разу не назвала мое имя. Эллиен не изменилась и оставалась сама собой даже спустя время.

Выдохнула и отнесла чашку в раковину. От одного слова «помянем» становится мутно и тошно.

- Да, конечно. Помянем.

Мы оделись, и она подала мне мою сумочку...потом посмотрела на мой чемоданчик и отрицательно качнула головой. Это означало, что остаться я у нее не смогу, и лучше его забрать прямо сейчас. Я ее поняла и чемодан прихватила с собой. Мы отошли на несколько метров от дома, она выключила свой сотовый, осмотрелась по сторонам. Пристально осмотрелась, явно не упуская ничего из вида. Потом посмотрела на часы. Как будто куда-то спешила или кого-то ждала.

- Зачем приехала? Уезжай отсюда! Нечего тебе здесь делать! Оставайся там, где была!

Зашипела на меня, и мне вдруг захотелось ее расцеловать. Ничего не изменилось. Она все такая же...Я хочу обратно, туда...к нему. Почему-то так болезненно по-идиотски хочу. Я бы, наверное, повела себя совсем иначе.

- Я хочу...хочу знать, где он!

- Умер! – отрезала она.

- Нет! И вы об этом знаете! Я уверена! Он не умер... я лично лечила его раны! Я хочу...хочу знать, почему он умер для меня?

- Если ты этого не знаешь, значит так надо! Нельзя найти того, кто давно исчез с лица земли! И не хочет быть найденным!

- Эллиен! Заклинаю вас! Пожалуйста! Мы же не были врагами, и вы знаете кто я...ей! Знаете! Прошу вас! Помогите мне его найти!

- Уезжай, Марина! Так будет безопасней для тебя и твоего ребенка!

- Не будет...Только рядом с ним. Я не уеду, слышите? Я заночую под вашей дверью, под вашим домом, как собака! Я не дам вам прохода!

- Ну какая же ты дура! Как была, так и осталась идиоткой!

- Пусть! Плевать! Называйте, как хотите! Я хочу знать, что с ним происходит!

- А раньше не хотела! Раньше бежала от него, как от прокажённого! Ненавидела! Вот и продолжай ненавидеть - целее будешь!

- Я...люблю его, Эллиен.

Она выдохнула и схватила меня за руку.

- Уезжай, глупая ты...нельзя его искать!

- Я буду! Слышите? Буду! И от вас не уеду!

- Уедешь! Тебе нельзя здесь оставаться! За мной постоянно следят! Так...давай дам номер телефона и позвонишь ему сама.

- Кому? Петру? - аж сердце зашлось.

- Нет! Какому Петру! Гройсману позвонишь. Он мне запретил...но я тоже рисковать не хочу. Ты, как и всегда, придурочная. Подставишь меня.

Вытащила ручку из сумочки и написала на моей ладони.

– Выучи наизусть. Нигде не записывай.

– Спасибо! – сжала ее руку, но она выдернула пальцы.

– Из-за тебя Милы не стало. Ты многим на горло наступила только своим существованием. Но...я слишком люблю ЕГО, чтобы ненавидеть тебя. Уходи. И больше никогда сюда не приезжай. Ты уже давно не моя забота. А я вспомнила как увидела ее впервые...Это была наша последняя встреча и прощание. Она умрет спустя несколько дней. Некролог о ее смерти я увижу в газете, всего на один абзац. А пока я могу только вспомнить нашу с ней первую встречу.

– Как отвратительно вы орете! Примерно так же отвратительно, как и одеваетесь!

Женский голос заставил меня обернуться. Передо мной стояла женщина...без возраста. Из тех, по кому видно, что они совсем не юные и даже не молоды, но их шарм и красота идеальны настолько, что кажется, у вас перехватывает дух от одного взгляда на них. Такой могла быть Коко Шанель...наверное, или...или Джулия из «Театра» Моэма. Да, такой могла быть именно Джулия Ламберт с серебристыми прядями волос, уложенными в короткую, изысканную, пышную прическу, умопомрачительными синими глазами и точеной фигурой балерины.

– Идемте, Мэри, вас привезли ко мне. И меня зовут Эллен.

У нее был легкий акцент и очень красивый бархатный голос. Кутаясь в роскошную шубу, женщина последовала к дому, и я поплелась за ней, а следом Глеб с моим чемоданом.

Едва мы вошли в ее квартиру, в голову ударил запах дорогих французских духов и...какого-то раритета. Здесь было уютно, и в то же время отдавало временем. Мебель с завитушками на ножках, тяжелые шторы, хрустальные люстры на высоких потолках и белый рояль в гостиной.

– Пьер сказал, зачем отправил вас сюда?

- Нет.

- Ну да...не в его стиле сообщать женщине о своих намерениях.

Пьер...как интимно звучит его имя, произнесённое ею. Интимно и с любовью. С трепетом.

- Снимите ваши ужасные туфли и оставьте возле двери. Тапочки в шкафу у вешалки.

Она прошла грациозным шагом куда-то вглубь квартиры, а я поискала тапки и, надев их, поторопилась за ней. Стало нудно, скучно и ужасно захотелось сбежать. Зачем я здесь? Я хочу домой...к нему. Почему он не приехал и не сказал мне об этой поездке?

- И...зачем я здесь?

- Хотя бы для того, чтобы научиться открывать рот, когда это нужно, и уметь вовремя замолчать. А еще не опускаться до уровня слуг и не верещать на улице, как истеричка. Ума не приложу, где он вас подобрал...но работы будет очень много.

Она сняла тонкий шарфик, сложила на тумбу возле зеркала и поправила свои невероятно красивые густые волосы. Он...отправил меня учиться у нее? Кто она ему?

- Я не хочу. Я вас не знаю, и в мои планы не входило проводить время с...вами...

- Вы не хотите? - она рассмеялась и с жалостью на меня посмотрела, как будто всем своим видом говоря мне, что ее вынудили снизить до меня.

Я судорожно глотнула воздух и попятилась назад к двери.

- Я могу вернуться к себе?

- Можете. Вас не заставляют здесь находиться.

– Тогда я, пожалуй, поеду обратно.

Она поднесла к губам тонкий мундштук и прикурила от изящной зажигалки.

– Как пожелаете. Я говорила Пьеру, что эта затея может быть неудачной.

Усмехается загадочно и презрительно. И я чувствую себя рядом с ней, как та второсортная актрисулька чувствовала себя рядом с Джулией, когда та играла на сцене.

Ну вот и хорошо. Вот и прекрасно.

Я снова надела свои туфли, натянула пальто.

– Тапки поставьте обратно в шкафчик!

Глава 2

Я смотрела на грозовые тучи, сбившиеся в темно-сизые обрывки грязной ваты, нависшей над старыми домами. Казалось, небеса вот-вот рухнут на землю. Мои давно уже рухнули, и я не знаю, какими правдами или неправдами держусь, как выживаю. Мне уже не верилось, что когда-то я была счастлива, улыбалась, смотрела на небо и испытывала какие-либо эмоции кроме вот этих мрачно-давящих жутких ощущений, что меня разрывает на куски.

(с) Черные вороны 8. На дне. Ульяна Соболева

– Здравствуйте, это я.

Голос звучит хриловато, дрожит так, что мне самой трудно дышать. Потому что боюсь, что повесит трубку, заблокирует меня, пошлет подальше. Страшно, потому что он моя единственная надежда, и понимание, что сейчас все зависит

только от одного его слова, заставляет дрожать от страха. Просто вот так быть в волоске от собственного апокалипсиса и сходить с ума в ожидании. И мне кажется, прошло не полгода, а целая вечность... я не видела моего Айсберга целое столетие, и за это время я медленно угасала, медленно превращалась в жалкое подобие себя самой. Как же это невыносимо – быть с ним, но еще более невыносимо – быть без него.

– И? – у Гройсмана твердый голос с командными и очень властными нотками, и я уже перестаю верить самой себе, что когда-то этот человек был каким-то испуганным дворецким, казался мне противным и жалким стариком. Как же я тогда ошибалась... Как же гениально он играл свою роль, и теперь я понимаю, почему его выбрал Петр – Гройсман сильная, несгибаемая и выдающаяся личность. И если я сейчас не буду убедительной, у меня ничего не получится. Я могу остаться ни с чем.

– Почему ты сюда звонишь? Разве мы с тобой не попрощались навечно?

– Я хочу знать. Я не уеду отсюда. Я выйду на дорогу, я пойду к журналистам... я лягу под поезд. Я просто так не сдамся. Где ОН?

– Оставайся там, где стоишь, за тобой приедут.

И отключился. Оглянулась по сторонам. То, что за мной следят, уже понятно. Но зачем я им? До сих пор нужна? Откуда он знает, где я? Как он верно сказал – мы же попрощались. И какое-то адское облегчение – он мне поверил. Наверное, потому что я, и правда, дошла до того, что могла бы все это совершить, в безумном желании найти ответы на свои вопросы. В адском желании увидеть Петра хотя бы один раз.

Я прижала руки к груди. Замирая и слушая, как стучит собственное сердце где-то в горле. Посмотрела на сотовый – пришла смска от Ларисы Николаевны – у них все хорошо. Защемило внутри нежностью. Она мне, и правда, очень близка, ближе кого бы то ни было. Почти как мама. Ее защита и любовь греют душу только от понимания, что ты кому-то нужен и кто-то с волнением спрашивает «как ты?». И, наверное, это самое сильное, самое преданное проявление любви – вот это простое словосочетание, в котором вложено все тепло человеческого сердца. Не долгие беседы по душам, не непрерывные звонки и болтовня о здоровье, а просто два слова «как ты?».

Ко мне подъехала машина, приотпустилось стекло. Как же они быстро. Как будто, и правда, находились где-то рядом со мной.

– Марина?

Кивнула и села в машину. Человек мне незнакомый, но я точно интуитивно знаю, что его послал Гройсман. Я уже могла узнавать людей, работающих в этой сфере. Я их чувствую за версту. Поворот головы, прямая спина, уверенная посадка и эти руки на руле. Они словно напряжены. Они сделаны из жидкого металла и совершенно лишены человечности. Роботы. Именно таким мне всегда казался и Айсберг. Только он был выкован из самого льда, словно вытесан неумолимым художником в нереальной, невыносимой красоте холодного света, доводящий своей ледяной красотой до одержимости. Говорят, лицо стирается со временем? Ложь. Я помнила не только его лицо, я помнила и сеточку морщин в уголках глаз, зная наизусть сколько их там, я помнила темно-синие точки-крапинки в его глазах и светлую голубизну солнечной Арктики.

Машина была без номеров, но ее ни на одном посту не остановили. Выглядывая в окно, я увидела, что мы едем в спальный район города. Значит, скорее всего, домой к Карлу Адольфовичу...Вспомнила, как называла его Гитлером, и улыбнулась слегка сама себе.

Когда я увидела Гройсмана, я не удержалась и почувствовала, как по щекам текут слезы. Он сунул руку в карман и протянул мне аккуратно сложенный платочек.

– Моя покойная жена всегда говорила, что у мужчины обязательно должен лежать в кармане пиджака платок, чтоб утереть женские слезы.

– Правильно говорила...

Вместо того чтобы вытереть лицо, я бросилась к нему в объятия и ощутила, как он обнимает меня в ответ, как поглаживает мою спину.

– Я тоже скучал по тебе...Мэри. Упрямая девочка.

И от этих слов стало очень горячо где-то в горле, защипало глаза еще сильнее и захотелось разреветься. Но он отстранил меня от себя и поджал губы.

– А теперь скажи, какого черта ты приехала? Закончились деньги? Я, кажется, позаботился о том, чтоб тебе хватило на три безбедные жизни, и тебе, и ребенку.

– У меня закончились нервы...закончились слезы, закончилось все, что могло быть без него.

– И ты приехала, чтобы кинуться ему в объятия?

Говорит жестко, отрывисто, а сам наливает мне чай и достает конфеты в красивой коричневой коробке, завязанной серебристой нитью. Коллекционный шоколад. Я видела такой в доме Айсберга.

– Я приехала увидеть его...узнать, как он.

– Нормально. Вот я тебе ответил. Теперь ты уедешь?

– Нет. Не уеду. Мне нужно с ним встретиться, один раз. Я готова ради этого на что угодно. Просто увидеть и сказать несколько слов, просто...посмотреть в глаза. Пожалуйста.

– Ты не сможешь увидеться с Петром. Даже если бы я этого захотел.

– Почему? Он...он не хочет меня видеть? У него...у него другая женщина, и он отрекся от меня?

А внутри бешеный, дикий страх от мысли, что он мог умереть, от мысли, что могло случиться непоправимое.

– У женщин только одно на уме... Нет.

– Тогда почемуууу?

– Петр в тюрьме!

– Я хочу его видеть...

Гройсман поставил чашку и посмотрел на меня из-под круглых очков. У него очень настырный взгляд, пронизывающий, ковыряющий до костей. Как же раньше он казался мне совсем другим. Вот почему Петр настолько безоговорочно ему доверял – Гройсман предан ему до невероятности.

– Я, кажется, русским языком сказал – он в тюрьме.

Я услышала. Только принимать отказывалась. Как и отказывалась верить в то, что не смогу с ним встретиться, не смогу дотронуться хотя бы до его руки. Возвращаться ни с чем. Возвращаться и понимать, что я поставила крест на всем, что было раньше, на своей любви.

– А я русским языком сказала, что хочу его видеть.

Наверное, это был момент откровения для меня, для него. Потому что мы оба помнили, как я стремилась избавиться от этих отношений, сбежать. Помнили, как я ненавидела Петра и кричала, что желаю ему смерти. Боже...я даже дошла до того, что ударила его ножом, а теперь...наверное, если бы не Лыдинка, я бы могла умереть вместе с ним и ради него.

– То есть ты считаешь, что вот так просто сейчас сели и поехали?

Сказал с насмешкой. Язвительно и посмотрел мне в глаза с укором...как будто мы с ним вместе вспомнили одно и то же.

– Не считаю...я хочу знать, что нужно сделать, чтобы его увидеть...Я не уеду, понимаете? Я не сдвинусь с места. Хотите, я встану на колени и буду вас умолять. Я буду целовать ваши ботинки и просить вас, заклинать помочь мне.

Встал со стула и склонил голову к плечу. Это раздражение во взгляде и пренебрежительный жест рукой. Такой, словно я ему надоела.

– Девочка, ты можешь давить на меня сколько угодно. Если ты думаешь, что я привез тебя сюда, потому что ты начала меня шантажировать, то ты ошибаешься и очень сильно. Ты здесь, потому что я не хотел, чтоб ты стояла там на улице одна со своим чемоданом и не знала, куда тебе пойти. Любая истерика может стоить тебе жизни. Тебе и твоему сыну. Но ты об этом даже не думаешь!

Когда он это сказал, я сильно вздрогнула.

– Считаешь, никто не знает о твоём существовании? Ты настолько наивная идиотка? Мне всегда казалось, что ты эксцентричная, но не тупая. Тебя спрятали и спрятали хорошо. Замели все следы. Никто и никогда не смог бы тебя найти...Но ты самостоятельно вылезла из укрытия и усложняешь всем жизнь. Как только поймут, кто ты такая – ты превратишься в то самое слабое место, по которому так легко найти Петра, в орудие давления, шантажа и ультиматумов в лучшем случае. В худшем – тебя просто убьют. Тебя, твоего сына, твою эту Ларису Николаевну и даже ее соседей, чтоб меньше народа трепалось. Так что давай вали отсюда, пока никто не пронюхал.

– Я никуда не поеду...Я хочу увидеть Петра. Я хочу ему помочь...хочу...я просто больше не могу быть вдали от него. Поймите...не могу.

По щекам градом покатались слезы. Меня просто трясло от отчаяния и этого невероятного ощущения бессилия.

– Не моги. Мне насрать. Давай, всё. Разговор окончен. Тебе пора. Коля отвезет, куда скажешь. Хочешь, дам еще денег?

– Нет...

– Нам дорогого стоило его спрятать. Сделать так, чтобы он исчез, и никто не мог его найти. Но ты только одним своим появлением ставишь под удар все то, что мы делали все это время. Откажись от него...как он отказался от тебя!

И слышать это не просто больно, а невыносимо. Настолько больно, что я захлебываюсь слезами. Отказался...оказывается, услышать это вот так, настолько прямо и откровенно было намного болезненней, чем если бы с меня сняли кожу живьем.

– Я не понимаю...

Медленно ответила, а потом рухнула перед ним на колени и обняла его за ноги. Вцепилась изо всех сил, вцепилась так, чтоб он не мог пошевелиться, не мог от меня отпрянуть или оттолкнуть, мои пальцы скрючились и дрожали, а его штанина мгновенно стала мокрой от моих слез.

– Пожалуйста, заклинаю, умоляю, сделайте что-нибудь...вы ведь такой хороший, такой умный, такой...Прошу вас, Карл Адольфович...я люблю его, я так сильно и безумно его люблю, что готова на все. Прошу вас...Ведь есть какой-то выход...вы ведь можете придумать. Умоляю...

Он просто оторопел. Вытянулся в струну и застыл словно изваяние.

– Не рви мне душу, дочка.

Хрипло, срывающимся голосом.

– Представьте, если бы я ею была...если умоляла вас, как отца. Дайте увидеть...дайте хотя бы издалека.

– Ты не понимаешь, о чем просишь.

– Заклинаю! Я умираю...мне кажется, что я живу под землей, в могиле и больше не вижу света. Мне кажется, я в вечной темноте или ослепла, потому что не знаю, как жить без него дальше.

Смотрел на меня долгим взглядом сверху вниз, потом поправил очки. Он о чем-то думал. Напряженно, с борьбой, с внутренним апокалипсисом, который отразился на его лице и запутался между седых косматых бровей, которые сошлись на переносице его длинного и крючковатого носа.

– Ты можешь отправиться к нему только в одном качестве...и то нет гарантии, что он этого захочет и не отправит тебя на хер.

Сказал и резко выдохнул, словно сожалея о своих словах. Словно понимая, что лучше бы он этого не произносил, и обратно этих слов теперь не вернуть.

– В каком...?

– В качестве дорогой элитной шлюхи.

Кровь отхлынула от лица и заставила сердце бешено заколотиться. Я могла ожидать чего угодно, только не этих хлестких и в какой-то мере очень страшных слов.

– Согласна? Если не выберет...пойдешь ублажать другого мужика. У Петра там право первого. Если не захочет, ты будешь подстилкой любого морального уroda, который заплатит за твою дырку. И что он с тобой сделает, неизвестно никому.

Судорожно сглотнула и стиснула пальцы. Сердце бешено колотилось, и в горле пересохло так, что хотелось закашляться, но и на это не было сил. Я вся превратилась в каменное изваяние.

– Да, по любой причине можешь стать девкой другого. Иногда проституток меняют местами. Это риск. Это настолько огромный риск, что я говорю тебе это прямо сейчас. Так, чтобы ты знала. Ты сейчас будешь играть в русскую рулетку, и мы не знаем, не выстрелишь ли ты себе в голову.

– Я...я готова на любые риски. Как...как это происходит? Что я должна сделать?

Поднял меня за локоть с пола и усадил на стул.

– Зарегистрирую тебя в агентстве, которое поставляет девочек экам. Не просто отморозкам, а элитным влиятельным людям, которые по той или иной причине оказались за решеткой. У них есть достаточно денег, чтобы баловать себя всякими ништяками. Начиная от сигарет и мобильного, и заканчивая наркотой, шлюхами и даже сауной. Обычно новенькие и красивые проходят через клиентов вип. Петр – клиент мега вип. У него есть право выбора девочки первым. Но...он может от него отказаться по любой причине. Буквально банальной «сегодня не хочу», и тогда тебя возьмет любой другой следующий за ним, и никто не сможет отказаться. Ни ты, ни агентство, которое тебя поставляет. Дней десять, а то и четырнадцать тебя будет еб*ть во все дыры какой-то зек. И ты ничего не сможешь сделать. Только терпеть. Какой ты потом вернешься к своему сыну

неизвестно...Так что думай. Никто, ни одна живая душа не предупредит Петра насчет тебя. Потому что некому и потому что не надо.

– Я...согласна.

– Он может подумать что угодно на твой счет...абсолютно что угодно, и никто не подтвердит, что ты не шлюха, которую отправили сосать у ээков за огромные бабки по доброй воле, а то и по огромному желанию продать свою дырку подороже.

– Я согласна.

– Уверена?

– Уверена.

– Хорошо...Значит с этого момента ты больше не будешь Мариной. Ты будешь девочкой агентства, в которое я тебя отправлю. Я маякну, что это для НЕГО...но не могу дать тебе гарантии, что ты не попадешь к кому-то другому.

– Пусть... я рискну.

Глава 3

– Пошла вон! – каждый слог давался ему с трудом. Он захлебывался звуками и не открывал глаза.

– Не уйду! – упрямо, кусая губы, сжимая руки в кулаки так, что ногти впились в кожу ладоней, распарывая ее до крови. – Не оставлю тебя, слышишь? В горе и в радости, в болезни и в смерти! Помнишь? Пред Богом жена тебе и перед Дьяволом. И ни одна бумажка этого не изменит!

(с) Черные Вороны 8. На дне. Ульяна Соболева

Я ощущала себя не просто ужасно, мне казалось, что я, как лошадь, попала на торги на рынке. За мной приехал какой-то тип довольно низкого роста с плешью на голове и постоянно бегающими глазками. Представился Ашотом.

Меня привезли в офис. В красивое здание многоэтажку с окнами на центр города. В офисе кабинет врача гинеколога, стоматолога и какие-то разодетые женщины и мужчины, которые осматривают тебя со всех ракурсов по очереди.

- Она слишком худая, у нее есть шрамы на спине.

- Ее рекомендовал человек, которому я не могу отказать.

Ашот заискивающе смотрел на мужчину в голубой рубашке с длинными волосами до плеч.

- Пройдись. Как там тебя? Алена?

- Марина.

- Будешь Евой. Так сексуальней. А походка красивая и спина ровная. Волосы мне нравятся. Повернись.

Я остановилась и повернулась к нему.

- Лицо просто кукольное. Мне бы поразвратней, приземленней. А это прям девочка золотая. Ладно. Подходит. Пусть ее осмотрит врач.

Процедура осмотра прошла быстро. Как и сдача анализов.

- Нужно еще на венерические.

- За нее ручались.

- И что? Ты понимаешь, что будет, если я ИМ подсуну грязь?

- Не подсунешь, гарантию даю.

- Хорошо. Пусть примет душ, переоденется. Вечером поедем.

Потом повернулся ко мне.

- Ты знаешь, зачем и куда тебя повезут, Ева?

Я кивнула и прикусила губу.

- Меня зовут Альберт, и я твой босс. Наши клиенты несмотря на то, что находятся в местах лишения свободы, они тем не менее клиенты vip уровня. Очень важные люди, и у них особые привилегии. Ты должна удовлетворить любую прихоть. Не важно, что захочет клиент. Анал, орал, садо. Ты выполнишь любое извращенное желание. За это он платит огромные деньги. Если понравишься, пригласит еще раз. Ты будешь находиться там трое суток. Деньги получишь сразу, как вернешься. Если клиент будет недоволен и выгонит тебя раньше, получишь всего десять процентов.

- Я поняла.

- Вот и хорошо, что поняла. Прими душ, побрейся везде и во всех местах. Оденешься и поедешь.

Выдохнула и еще раз кивнула. Альберт изящно тряхнул шевелюрой и сел за стол.

- Подпиши договор. Здесь написано, что ты согласна с условиями работы и любые травмы производства - это твои проблемы. Мы не несем ответственности. Ты же знаешь, куда едешь - есть риски. Все будет оплачено.

- Знаю.

- Вот и отлично. Подписывай и давай собирайся. У нас отправка ровно в пять вечера.

Я не просто нервничала – меня подбрасывало от нервов, меня колотило так, что зуб на зуб с трудом попадал. Когда я оделась в обтягивающее черное платье, чулки и туфли на высоких каблуках, меня сфотографировали.

– На проходной – ты приехала навестить мужа. Имя тебе напишут в смс. Без фокусов.

Пока мы ехали, я думала о том, что не просто рискую, а совершенно сошла с ума, если согласилась на все это. Но любовь не знает логики, у нее нет рассудка, нет понимания опасности и чувства самосохранения тоже нет.

Я хотела быть с ним... хотела любой ценой оказаться рядом и еще раз посмотреть в эти безумно синие глаза.

Сотовый у меня забрали, обыскали с ног до головы. Я ехала якобы на свидание с Никитой Портновым. Он мой муж. Мы женаты два года. Это байка для проходной. Дальше меня ведут в маленькую комнатку и запирают там ожидать. Я слышу, как колотится мое сердце, чувствую, как ломит руки и ноги от сильного нервного напряжения. Я наполовину в ужасе, наполовину в предвкушении, и я больше не способна трезво мыслить. Мне страшно... страшно, что он может меня не выбрать. Кто знает, что ко мне чувствует Айсберг, кто знает, захочет ли он меня видеть и не отдаст ли кому-то другому. Ведь все может пойти не так... и тогда это свидание, это безумство обратится для меня в самый настоящий ад!

Прошло примерно полчаса или чуть больше, и дверь в комнате открылась.

– Идемте со мной.

Человек в форме кивнул на дверь, и я поднялась со стула. Смотрел он на меня плотоядно и с презрением одновременно. Явно осуждая, явно считая последней подстилкой.

– Каких начали привозить. Даже не похожа на шалаву. Я, конечно, столько заплатить не могу... но, б*яаяя, может, со скидочкой. А? А я тебя пристрою к хорошему клиенту... а не к этому... людоеду.

О каком людоеде речь? Стало страшно, и я ощутила холод в районе затылка.

– Это извращуга... от него бабы плачут. Грубое животное. Я могу тебя отмазать и сунуть ему другую девку, он любит брюнеток, а впредь я тебя буду пристраивать к тем, кто поспокойнее и поласковей. Ну че? Договорились?

И тянется ко мне лапами. Оттолкнула и судорожно глотнула воздух.

– Прекратите. Ведите меня туда, куда нужно.

– Сучка жадная! Дура!

Мы прошли узкими коридорами, пока не приблизились к железной двери с глазком. Лязгнули замки. Дверь распахнулась.

– А вот и птичка прилетела. Не сильно обдирай ей перья. Не лютуй!

В камере было достаточно светло...да там могла быть кромешная тьма, там могло быть, как в аду или как в чертовой бездне, хоть выколи глаза, но я бы все равно его узнала. Когда любишь человека до болезненных судорог, до безумного желания умереть ради него, узнать можно даже ослепнув, даже просто по запаху.

Потому что меня пронизало радостной болью от кончиков ногтей, до самых кончиков волос через каждую мурашку на теле, через каждую дрожащую восторгом молекулу. Это ОН. Это мой Айсберг. Мой любимый палач, мой родной зверь и самый лютый монстр. И я даже еще не представляю, насколько близка к правде, и каким ужасным палачом он станет для меня сейчас...

Пошатнулась и сжала руки в кулаки. Перед глазами только этот мощный затылок, сильная шея и разворот плеч. На Айсберге черная узкая майка, спортивная, полностью обтягивающая мускулистую спину, сужающаяся между лопатками. Спина бугрится вздутыми мышцами. Он стал крупнее и в то же время более жилистым. Ведь я помнила каждую пору на его теле. И сейчас несмотря на то, что он похудел, стал намного мощнее и сильнее.

На нем черные спортивные штаны с лампасами по бокам, они чуть приспущены на узких бедрах, и мне видна полоска кожи между майкой и резинкой штанов. Петр не оборачивается, стоит ко мне спиной. Перед ним стол, на нем бутылка с

чем-то прозрачным внутри, два стакана, тарелка с соленьями, коробка с соком. Мультивитаминным. И я вспоминаю, как он любил экзотические фрукты. На нашем столе всегда и неизменно были подносы с ананасами и всякой экзотикой.

Пожалуйста, обернись...посмотри на меня. Это же я...Хотя бы один взгляд. Мне в глаза. Просто чтоб я могла отдать тебе всю свою боль и всю свою любовь.

Меня предупреждал Гройсман – никаких проявлений чувств, ничего, что могло бы скомпрометировать и дать заподозрить, что это я, что между нами нечто большее, чем отношения проститутки и клиента. И я не могу его даже позвать, потому что не знаю, как его теперь зовут и кто он...кем стал в этом жутком месте. Ни у него, ни у меня больше имен не осталось. Ничего не осталось кроме нашего общего прошлого. И я так алчно жаждала, чтобы это прошлое сейчас проснулось, и мы смотрели сквозь него друг на друга, сквозь кровавую пелену нашей общей одержимости.

– Разденься наголо, стань на колени и ползи сюда. Сними все кроме туфель.

От звука голоса по телу как ударом плети ползет ток, он жжет, он бьет точечными ударами по каждому нервному окончанию, и мне больно слышать его голос. Больно до такой степени, что мне кажется, я сейчас закричу. Но вместо этого снимаю через голову платье, чулки, нижнее белье, оставаясь только в туфлях на высокой шпильке. Телу прохладно несмотря на то, что в комнате очень тепло. Соски становятся очень твердыми от холода и от напряжения. Я медленно опускаюсь на четвереньки. К нему...с замиранием сердца, с ощущением, что вот-вот разрыдаюсь. Он знает, что это я? Ему сказали? Им показывают, кого они снимают себе на ночь, на две, на неделю. Мне сказали, что, если клиенту нравится девочка, он увеличивает оплату и может оставить ее себе на несколько дней, даже на неделю. Петр знает, кого к нему привели?

Подползла по чуть вздувшемуся линолеуму, к сильным ногам в белых кроссовках. Очень медленно подняла голову и...И ничего. ОН не смотрит вниз. Он смотрит куда-то перед собой, его челюсти сильно сжаты. Так сжаты, что кажется, желваки могут продрать смуглую кожу, поросшую все такой же аккуратной бородой с пробившейся сединой.

– Отсоси!

Командным тоном так, что по всему моему телу расходится волна адского жара, и несмотря на все, что происходит, начинает тянуть низ живота и так унизительно привычно наливаются грудь, набухать складочки между ног и самый кончик клитора. Я наполняюсь возбуждением...потому что передо мной единственный мужчина, которого я познала, единственный мужчина, которого я хотела до бешеного биения сердца, до невыносимой боли во всем моем существе. И я помню, что делали со мной его руки, его губы...что он заставлял меня делать, и как я билась в самых острых оргазмах в его адских объятиях. Мои дрожащие руки тянут вниз резинку штанов, тонкую ткань боксеров, и рука обхватывает вздыбленный член у самого основания. Но я не успеваю ничего сделать, его жестокие пальцы хватают меня за волосы, и член поршнем вбивается в рот. С такой силой, что у меня из глаз брызгают слезы. Руки настолько больно впиваются в волосы, что мне кажется, он сдерет мне скальп, и член вбивается в горло на адской скорости, опускаясь головкой в самую гортань, до рвотных позывов. Так сильно, что у меня струятся слезы по щекам. И я хаотично цепляюсь руками за его штаны, но слышу хриплое и уверенное.

- Руки за спину!

Не могу...не получается, я лишь цепляюсь за воздух, за его штаны. Мне больно... я не знаю, зачем и почему...за чтооо? Это дикое вторжение. Самое настоящее грубое, бешеное. Настолько болезненное, что я задыхаюсь и давлюсь его членом. Оторвал от себя за волосы, прижал лицом к налитой мошонке.

- Лизать!

Мой язык сводит, и я делаю какие-то дурацкие движения, чувствуя, как дрожит все его тело, как он буквально дергается то ли от возбуждения, то ли еще от чего, я не знаю. С мольбой смотрю вверх... и уже встречаюсь с его глазами. Они непроницаемо темно-синие, они, как налившееся грозой черное небо. Нет ни одного проблеска, нет даже...даже просвета узнавания. На меня смотрят, как на драную шавку...похоть сливается с...ненавистью? И снова за волосы вперед, вдираясь членом в самое горло. И бьется, быстро двигая бедрами, насаживая мою голову на член. Я дергаюсь, как тряпичная кукла, моя грудь трясется из стороны в сторону, а руки скользят по полу, по кроссовкам, я царапаю ногтями линолеум.

Пока мне в гортань не брызгает струя спермы с такой силой, что я захлебываюсь, он держит за волосы. Не стонет, не кричит, только трясется

сильно, конвульсивно. Заливает меня семенем, удерживая так, что мой нос упирается ему в лобок.

Резко в сторону. Так, что я падаю на пол, захлёбываясь, задыхаясь рвотными позывами, распластанная, вся в слюне, вся в слезах, с мокрыми глазами. Я вижу, как белые кроссовки переступают через меня, и он идет к столу, садится на стул. Слышно, как открывается бутылка, как наливается жидкость. Звук глотка. Хруст огурца.

– Умойся и сядь за стол.

Я поднялась с пола, все еще чувствуя, как по щекам все еще текут слезы, они горячие или очень холодные...они жгут кожу, ноги не держат, и меня шатает. Я наклоняюсь к одежде, но меня окрикивают.

– Голая. Одежда тебе не нужна. Умылась и села за стол.

Глава 4

– Я...я уже не люблю. Не лю-б-лю те-бя. У-би-рай-ся! Не нуж-на ты мне. Не ну-ж-наааа! – последний слог выхаркал и затрясся всем телом от усилий.

Сползла по решетке вниз, дотягиваясь руками до его связанных ног, испачканных грязью и кровью. Впилась в них ледяными руками, рыдая, прижимаясь всем телом к клетке.

– Не люби. Пусть так. Пусть не нужна. Как ты говорил... моей любви хватит на нас двоих. Хватит ее... хватит, чтобы вытащить тебя отсюда. Ты – моя жизнь, Максим. Тебя не станет, и от меня ничего не останется.

(с) Черные Вороны 8. На дне. Ульяна Соболева

– Как зовут?

Спросил, налил водку и подвинул стакан ко мне. Смотрит исподлобья, так смотрит, что у меня все внутри дрожит. И вопросы, как пощечины. У меня ощущение, что я ему совершенно чужая. Девка с улицы. А у меня жжет кончики пальцев от адского желания дотронуться до его лица, чтобы посмотрел на меня иначе, чтобы там на дне его зрачков оттаял арктический лед. Коснуться колючего подбородка, нежно провести ноготками по скуле, зарыться лицом в его густые волосы с серебристыми ниточками, сводящими с ума так же, как и взмах длинных светлых ресниц.

– Ма.., – глаза Айсберга сверкнули, и я осеклась. – Ева.

– Откуда взялась здесь? Ева...Такая Ева, как я Адам.

Вопросы задает вкрадчиво, как и раньше. Но гораздо пренебрежительней, чем даже тогда, когда я предложила ему себя купить. Как же хочется заплакать и попросить: «Обними меня, Петя...пожалуйста»...Я бы многое отдала за одно прикосновение.

– Через фирму...

– И много платит фирма, что ты сосать у эков пришла, м?

Еще одно слово-пощечина. Мне больно почти физически. Мне от обиды хочется взвыть. Но я помню все, что говорил Гройсман – Петр не знает, каким образом я здесь оказалась, и подумать может все что угодно. Особенно на ту, что один раз уже продалась. Кто я сейчас в его глазах? Неужели он даже не предполагает, что я могла оказаться здесь только ради него? Неужели он настолько не знает меня... и не доверяет мне?

– Много!

Его тон не просто сводил с ума, а заставлял все сжаться, превратиться в камень.

– Пей.

Подвинул ближе стакан, наполненный до половины водкой.

– Я не...

– Пей, сказал!

Послушно выпила залпом, подвинул стакан с водой – запила. Слегка затошнило и обожгло саднящее после грубого секса горло. В голову сразу впились несколько иголок, потемнело перед глазами.

– В фирму как попала?

– Через знакомого.

– Что за знакомый?

В глаза ему посмотрела, алкоголь обжег вены, потек по ним кипящей лавой, расслабляя и заставляя перестать дрожать. Гройсман сказал, что, если выдам его, он...никогда меня не простит. Что если выдам, его найдут, и за то, что привез меня к Айсбергу, открутят голову. Так и сказал. «Сдашь меня ему – я уже завтра сдохну, и никто не посчитается, кем я был для него столько лет».

– Какая вам разница?

– Никакой, просто скучно. Развлеки меня. Ты здесь не только, чтобы дырки подставлять. Или тебе не говорили?

Откусил огурец и снова выпил. Ни проблеска тепла, ни мгновения узнавания. Совершенно холодный, так и веет льдом. И мне ужасно холодно вот так сидеть перед ним голой, пить водку и не сметь сказать то, что до боли хочется. О сыне, обо мне. Как ждала его, как душа болела, как боялась никогда не увидеть. Протянула руку через стол, чтобы коснуться его пальцев, но он их резко убрал. Стало очень больно, как будто ударил наотмашь. Больнее, чем когда грубо наклонял к мошонке и приказывал, как собаке.

– Откуда приехала?

Назвала город. Тот...где в подвале у меня прятался, где я раны ему промывала от гнили и...меняла пеленки, где мыла его всего и молилась богу, чтобы он открыл глаза. Там, где он сказал, что любит меня, там, где мне снилось, что я сказала ему «да» и стала больше, чем просто жалкая содержанка. Такие сны никогда не сбываются...они навсегда останутся снами.

- Что такое? Так мало платят в вашем городе или нормальной работы нет?

- А вы осуждать надумали или уму разуму учить?

Хочется уколоть в ответ, хочется увидеть хоть что-то в этих страшных своей мертвенностью глазах.

- Нет, тебя разве что сосать нормально учить надо и прыгать на члене. Ума у тебя в любом случае нет, иначе сейчас тут бы голая не сидела.

Закурил, чуть прищурившись и продолжая меня рассматривать. В его глазах только презрение и холод, и мне от них не просто плохо, мне от них тошно до такой степени, что кажется, я сейчас разрыдаюсь.

- Дети есть?

Кивнула. Мы работаем на прослушку, как я понимаю. Вряд ли здесь есть камеры, но жучки точно есть. Об этом говорил Гройсман.

- Сын.

- С кем оставила?

- С...с мамой Ларисой. Живем мы у нее.

Встал, отошел к стене, сделал несколько хуков по воздуху, слегка пружиня на месте. Не похож на себя. Совершенно другой человек. Но под слоем напускной простоты видна его многослойность, видно, что он полностью от меня закрыт и открываться не думает.

Я начинаю замерзать, у меня уже холодные кончики пальцев рук и ног.

- Можно я оденусь?

- НЕТ! - рявкнул, и я вздрогнула.

- Мне холодно.

- Танцуй.

Обернулся ко мне, и я увидела, что он совершенно не шутит.

- Давай танцуй. Хочешь, я музыку включу?

Подошел к небольшому магнитофону, щелкнул кнопкой, и заиграла какая-то зарубежная песня.

- Давай. Я жду.

- Я не умею...

- А ты постарайся. Давай.

Развалился на стуле, вытянул ноги.

- Танцуй или на х*й уматывай отсюда. У вас там, кажется, это мега везение - остаться на сутки, двое, неделю. Так вот, или танцуй, или вали на хер!

Стиснула челюсти и встала со стула, начала потихоньку двигаться...под обжигающие волны спиртного, расходящиеся по телу. Мои глаза ищут его взгляд, мои руки, как и мое тело, извиваются. Я солгала, ведь я умела танцевать, и он об этом знал. Потому что у меня были лучшие учителя танцев, когда я стала содержанкой президента. Меня учили всему. Я могла танцевать даже без музыки что угодно. Любой танец.

Смотрит на меня, а пальцы крутят стакан, слегка подрагивает верхняя губа, он тяжело дышит, или мне кажется, что его грудь вздымается сильнее и быстрее, а глаза темнеют и уже отливают иссиня-черным, как сумеречное небо. Мне

нравится эта мрачная синева, она уже знакома и пугающа одновременно. Голодная, засасывающая бездна мужской нескрываемой похоти. Я помню этот взгляд, и я знаю, что за ним последует...и мое предательское тело наливается в ответ, извивается в ответ, дрожит и манит. Оно управляет мной, а не я им. Оно истосковалось, оно жаждет его рук, его губ, его плоти внутри. Оно жаждет всего, что он может мне дать, включая боль.

Сигарета тлеет между сильными пальцами...дымок поднимается к потолку. Когда я плавно изгибаюсь, заманивая его руками, встряхивая распущенными волосами, резко вскакивает со стула, тот с грохотом падает, и он, заломив мои руки за спину, роняет меня грудью на стол.

- Сука! - на выдохе, впиваясь обеими руками мне в волосы, - Сукааа, мать твою! Я тебя разорву!

Придавил изо всех сил к столу, раздвинул ноги, одну ногу подхватил под колено и, опираясь на столешницу, резким рывком в меня, заставляя завывать и выгнуться, тяжелая ладонь ложится шлепком на рот, затыкая мой крик удовольствия. И я сама не верю, что этот крик сорвался с моих губ от одного проникновения, от первого яростного толчка, от разрывающей наполненности.

- Заткнись...Тваарь...Продаж...на..я..., - каждый слог сильным толчком, до самой матки, так, что головка члена причиняет боль проникновением, трение по стенкам с адской силой. Но вопреки всему меня подбрасывает от едкого возбуждения и понимания, что он голоден, что его буквально колотит от бешеной похоти, и я ощущаю, как из меня сочится влага, и грубые бешеные толчки начинают сводить с ума, хочется сильнее, больнее, хочется так, чтоб перед глазами темнело, так, чтоб с каждым толчком выбивалась разлука и каменная стена между нами. И я знаю эту лихорадку, я знаю это нетерпение, знаю, какой он, когда его ведет, когда нам обоим сносит крышу.

Я помню, каким сумасшедшим он может быть, в какого дьявола превращается от страсти. Кусаю его пальцы так, чтоб до крови, и чтоб стиснул мне щеки ладонью, продолжая долбиться, как бешеный. Теперь он стонет, надсадно с рычанием, его вторая рука путается в моих волосах, он тянет мою голову назад, и его алчные, сухие и искусанные губы набрасываются на мой рот. И это не поцелуй, это еще одно проникновение, это овладение всем моим существом, так, что язык буквально впечатывается в мой, толкается мне в горло, а зубы треплют мои губы, так же, как и я в ответ кусаю его, и мне хочется орать от привкуса нашей

крови во рту. Но я могу только мычать ему в рот и глотать его стоны, пожирать горячее дыхание и едкие маты, срывающиеся между поцелуями.

Сжимает мою шею, не дает оторваться от своего рта и долбитя быстрее, сильнее, яростней. Стол дергается, стучит о пол, как и мое тело о столешницу. Моя грудь трясется из стороны в сторону, и одна его рука ловит ее, сдавливает по очереди, выкручивая соски. Каждое касание – удар хлыста по содранному мясу, по самым костям, по иссохшимся от разлуки нервным окончаниям.

По мне градом льется пот, как и по его телу. Меня накрывает так сильно, что я снова пытаюсь кричать, и его рука накрывает мой рот снова, буквально вгоняя в него четыре пальца, которые я яростно прикусываю, закатывая глаза и сотрясаясь от ослепительного, едчайшего, как серная кислота, оргазма. Меня так сильно сжимает судорогами, что я буквально стискиваю его член, сдавливаю конвульсиями и слышу низкое грохотание-рычание, а внутри разливается его сперма, усиливая наслаждение, от которого пронизало электричеством каждый атом моего тела.

Секунды...долгие секунды общего слияния в одну дикую и адскую нирвану. Трясет обоих, оба всхлипываем, пытаюсь отдышаться, и все еще впившиеся губами в губы друг друга. Прижимаясь лбами, взмокшие, задыхающиеся, обессиленные и на какие-то нано-мгновения честные до боли.

Его губы трутся о мои. Всего лишь один раз, мимолетно, почти незаметно. А потом словно пришел в себя. Швырнул на стол, как ненужную тряпку, снова выпил и развалился на диване. Закрыв глаза одной рукой.

- Помойся.

Скомандовал, и я, шатаясь, пошла в ванну. Все тело болит, саднит... а внутри все еще подергивается отголосками оргазма истерзанная им плоть. Мне хочется что-то сказать, а я не могу. У меня вырезали возможность сказать ему, как скучала, как безумно хотела его увидеть и что я готова ждать его сколько угодно, и что для меня не имеет значения, что он теперь не тот, кем был...

Пусть говорит что угодно...пусть отталкивает меня, пусть гонит прочь, но он лжет. Он рад мне, он скучал, он голоден по мне. Я все это ощутила, когда взял так яростно, когда вонзился поцелуями в мой рот, когда кусал до крови мои губы

и позволял кусать свои и выл, вбиваясь в меня. Как провел губами по моим губам после...Он делал так раньше. Вот это тыкание губы в губы после. Почти нежное. Почти, потому что нежность – это никогда не про него. Потому что нежность сохла, когда мы впервые увидели друг друга.

Вода стекает вниз на пол, льется мне под ноги, а я трогаю свое собственное тело, свои изодранные губы, свои болезненные после его объятий груди, свои руки со следами его пальцев на плечах, на ребрах и бедрах. Вся заклеянная им, отмеченная, запятнанная так, что внутри все горит и орет от унижительного и болезненного счастья. Это он, со мной, во мне. ОН. Разве не этого я так хотела? И пусть как угодно сейчас, и пусть сейчас не как в мечтах. С ним всегда не мечты, а кошмары, но это НАШИ кошмары. Только вместе.

Мой палач, мою любовник, мой хозяин...отец моего сына и нерожденного, ушедшего на облака малыша. Мой настолько, что даже его запах кажется мне не просто родным, а до одержимости собственным. Мне кажется, я сама вся пахну так же, как и он.

Завернулась в казённое полотенце и вышла из ванной. Ноги все еще неуверенно ступают по полу, колени дрожат и подгибаются. Мне хочется сесть где-то рядом и просто смотреть на него. Пусть позволит мне впитать в себя его образ.

- Оделась и пошла вон!

Не верю своим ушам. Начинает трясти так, что я уже не могу сдержаться. Словно ударил наотмашь, словно проехался шипованным хлыстом прямо по ребрам, там, где трепыхается вырванное наружу сердце.

- Пе...

- ЗАТКНИСЬ! Вон пошла. Пусть дадут мне другую соску. Ты никчёмная. Никакая.

Даже не смотрит на меня, глаза так и закрыты рукой. Только вижу, как эта рука дрожит. Или...или мне кажется.

- Одно слово, и я тебя просто изувечу.

И я молчу...но не поэтому, а потому что знаю – мне нельзя говорить, и меня об этом предупредили. Слезы покатились по щекам, и я слышу, как он тяжело дышит, все тяжелее и тяжелее. Пока не стукнул кулаком по стене.

- На х*й заберите ее отсюда!

- Нет...

Пожалуйста, любимый...пожалуйста. Два дня, хотя бы минимальные двое суток. Почему? Почемуууу? Черт бы тебя побрал? Я же вижу... я же чувствую...почему!!!

- ЗАБРАТЬ НА ХЕР!

И дверь отворяется, меня уводят, а я не сдерживаю слез, я рыдаю навзрыд. Меня поддерживают за плечи. Кто-то дает стакан воды.

- Это хорошо, что так быстро. Могло быть и хуже. Радуйся.

Говорит мужской голос. Я не могу пить, меня буквально выворачивает от боли, от непонимания, от разочарования.

- Куда ее? Может...

- НЕТ! Приказано вызвать машину и увезти.

- Ясно. Странно. Хотя хер с ним, он всегда такой еб*утый! Черт его вечно знает, что в голову взбрдет. Увозите.

Я все еще стояла с крепко зажмуренными глазами, вжавшись в стену спиной, когда захлопнулась железная дверь.

Послышались шаги, и я скорее угадала, чем увидела, что Максим стоит напротив меня. Еще несколько шагов, и он совсем рядом. Я медленно открыла глаза. Наши взгляды встретились, и тело пронизал ток, пригвоздив меня к полу.

Нет больше синевы... она спрятана под линзами. На меня смотрит сама чернота. И в ней нет жалости.

(с) Черные Вороны 8. На дне. Ульяна Соболева

– Тебя никто не хочет там видеть! Все! Хватит сводить меня с ума и трепать мне нервы! Ты не понимаешь, что из-за тебя все может рухнуть?

Гройсман говорит жестко и спокойно, как всегда, на кухне с чаем. На его кухне. Где все так по-старинному уютно, как в семидесятые. Сервиз «Мадонна», как когда-то был у мамы Нади, остался от ее бабушки. Вычурные скатерти на столе, шторы в цветочек. И сам Гройсман, эдакий мирный дедушка. Но мы с ним прекрасно знаем, кто он и что все это просто конспирация. Под личиной добродушного старика – пытливый ум и опасная личность со связями и властью. Которая многим и не снилась.

– Уезжай. Ты его увидела. Я сделал то, что ты просила. Сделай, как я говорю, и уезжай.

Он подвигает ко мне чай и кладёт на белое блюдце в красный горошек сахар рафинад.

– Я не уеду и не оставлю его, ясно? Не оставлю.

Со всей силы поставил чай на стол так, что он расплескался по скатерти. Тонкие губы сжались в одну линию, в полоску-ниточку с морщинками по углам.

– Скажи мне, что с тобой не так? Ты не понимаешь? Тебя не хотят! Тебя прогнали! Неужели это не понятно? Ты дура?

– Я не дура...я просто ЕГО ЛЮБЛЮ!

Секунды тишины. Я слышу, как бьется мое сердце, как отскакивает пульс, и становится то холодно, то жарко. Я произнесла это вслух. Я сказала те слова, которые никогда больше не хотела произносить даже про себя.

– И что это меняет? Одностороннее люблю никогда не станет чем-то большим, чем проявление эгоизма. Любовь должна жить в обоих сердцах. А выпрашивать любовь там, где ее нет, высшая мера унижения. Никогда не думал, что ты способна унижаться, и теперь вижу, насколько ошибался.

Как же жестоко, так жестоко, что мне кажется, я сойду с ума от боли и от того, что на меня наваливается черная плита необратимости. Он мне что-то недоговаривает, и все эти слова о любви...они прикрывают нечто другое. Оно витает в воздухе, нагнетая атмосферу.

– Я... я хочу ходить к нему и носить ему передачи, я хочу быть с ним до самого конца.

Наконец-то говорю я и отодвигаю от себя пролитый чай. Я даже глоток сейчас не смогу сделать. Мне кажется, у меня горло, как ободранный кусок мяса. Все эти дни я с трудом могла что-то есть. Я вся превратилась в ожидание. Я ждала, что меня позовут снова. Но мне никто не позвонил, и я сама больше не могла дозвониться ни на один номер телефона.

– Нет. Не выйдет.

Сказал, как отрезал, и сам сделал глоток кипятка, потом поднес ко рту сигарету и закурил. Впервые видела, как Гройсман курит. Мне казалось, что от него никогда не пахло табаком.

– Я уже три недели здесь, и вы обещали мне еще одну встречу.

Нагло сказала и буквально протянула к нему в мольбе руки.

– НЕТ! Это ты обещала мне уехать! Мы говорили об этом, и не один раз. Я сделал все, как ты хотела, многим рискуя. Ты получила даже больше, чем могла

рассчитывать.

- Я хочу еще раз попасть в то агентство и...

- Тебя не возьмут ни в одно агентство. Никто и никогда. Забудь. Тебе больше к нему не попасть.

- Почему?

В отчаянии заламывая руки. Вот оно...черное, страшное наваливается, и перед глазами начинает темнеть.

- Потому что...потому что он уезжает.

- Куда?

Хватаясь за столешницу так, что сводит костяшки пальцев.

- Уезжает далеко. Все. Мы больше ничего не можем для него сделать. Это единственный шанс выжить.

Отрицательно качая головой, быстро-быстро, у меня вот-вот начнется истерика. Это же невозможно. Это неправда то, что он говорит. Это не может быть правдой.

- Я не верю... вы мне нарочно лжете!

- Я не лгу. Мне незачем лгать. Он уезжает.

- Куда...

- На север...и никаких привилегий больше иметь не будет. Это конец, девочка. Ты должна его забыть, должна смириться и уехать к своему сыну. Про тебя все должны забыть. Исчезни, как он хотел и просил.

Накрывает мою руку своей и поглаживает по запястью, а я впадаю в ступор, пытаюсь осмыслить его слова, и не могу.

– Что значит на Север? Что вы имеете в виду?

– То, что его отправят в тюрьму на севере в город Н. Без каких-либо поблажек и привилегий, снова под другим именем. И тебе больше его не увидеть...поняла?

– А...девочки? Где они?

Дрожащим голосом спросила, вскочила и схватилась за спинку стула, чувствуя, как меня шатает и как голова идет кругом, как становится плохо от одной мысли, что это может быть конец. И что теперь я, и правда, его больше никогда не увижу...Осознания еще нет, ничего нет. Только омертвление.

– Пока не знаю, что делать...я пытался их спрятать, они в безопасном месте, но ничто не может быть безопасным, пока кто-то знает, что ОН жив. Но я смогу о них позаботиться. Пока смогу, а дальше посмотрим. Уезжай хотя бы ты, чтобы я мог быть спокоен.

По щекам катятся слезы, и я чувствую, как немеют кончики пальцев, как становится тяжело дышать от накатывающей тоски.

– Кто с ними?

– Преданные люди. Но преданность в наше время вещь весьма относительная. Сегодня преданы, а завтра нет.

– Когда его увозят?

– Завтра...

– Я могу? Могу увидеть?

Напрягся и стиснул кулаки.

– Почему ты усложняешь мне жизнь? Почему не делаешь, как я прошу? Почему мне постоянно приходится о тебе думать и не знать, куда деть тебя и твою настырность. Вот я изначально подозревал, что от тебя будут одни неприятности. Возьми билет и уезжай. Разве это так трудно?

– Карл Адольфович... я вас умоляю, пожалуйста.

– Завтра в шесть утра будут вывозить, соберутся провожающие...можешь затеряться в толпе и посмотреть издалека. Это все, что можно сделать. И потом уезжай домой, поняла? Обещай мне, что уедешь!

Кивнула, стискивая челюсти, сжимая руки в кулаки. Да...навверное...навверное, уеду. Я еще не знаю, что сделаю. Я вообще ничего не знаю. Меня как будто бьют снова и снова, и я уже не уверена, что могу подняться с колен.

– А теперь иди спать. Уже два часа ночи. Хочешь успеть его увидеть – надо лечь немного поспать.

– Почему? Почему он должен уехать?

– Потому что некоторые люди узнали, что он жив, и начали его искать...больше нельзя оставаться там, где он сейчас, и если хочет выжить – то только так. И больше никто помочь не сможет. Только скрываться.

– И...на сколько?

– Пятнадцать лет.

– Что?

У меня потемнело перед глазами и стало трудно дышать. Вот-вот потеряю сознание.

Шесть утра. Холод пронизывает до костей. Солнце еще не золотит, оно освещает тускло, серо, оно только показало свои тоненькие лучи из-за горизонта, и их поглотили сизые дождевые тучи. Сожрали рассвет голодными рваными лапами, окутали его пасмурной пеленой.

Нет солнца...как и в моей душе нет солнца. Украденная жизнь, украденное солнце, украденное счастье. Кто украл и за что, не знаю...Как будто я с рождения была приговорена жить в сумраке.

Вся моя жизнь непросветная тьма лишь с одними легкими проблесками, когда я была счастлива, и эти моменты можно пересчитать на пальцах.

Сколько их здесь собралось. Женщин. В платках, шапках, кто-то с развевающимися на ветру волосами. Они молча и мрачно ждут, заламывая руки, сжимая в пальцах какие-то пакеты в надежде успеть что-то передать своим мужчинам, увидеть их издали и, возможно, подойти, подбежать, тронуть взглядом, обнять стонами и криками, попытаться удержать своей прощальной тоской. Они похожи на стаю одиноких птиц, забытых временем и косяком. Жизнь ушла куда-то без них...Прошла стороной. Никто ничего не говорит, никто не толкается, не жметя. Они почти вдовы, они все преисполнены боли и скорби. И меня саму наполняет эта самая боль. Скорбная, горячая, отравляющая своей необратимостью.

Я та самая птица, у которой больше нет крыльев, чтобы взмыть в небо. Я могу лишь упасть на дно и тонуть в своем отчаянии.

Я не спала...эти три часа я думала о каждом сказанном Гройсманом слове. Думала о том, что теперь ничего нам больше с моим холодным палачом не светит, даже часы боли, разделённые на двоих, теперь ушли в прошлое, и даже их я смогу только вспоминать. И ничего не изменить, ничего и никогда не станет как прежде. И...жалеть о том, что я не позволила себе его любить, о том, что тратила свою жизнь на презрение и ненависть. А ведь... ведь я могла любить его и любила.

И это ожидание...Не терпеливое. Нет. Оно голодное, страшное, жадное. Оно сводит все тело судорогой, оно вызывает адскую боль в сердце, в кончиках пальцев и даже в кончиках волос.

Заставляет выглядывать, ждать, быть готовой взмыться, бежать, вздернуться.

Тихий ропот, толпа почти вдов пошевелилась, двинулась, задышала. Потому что ИХ повели...узким коридором между сетчатым забором с колючей проволокой

сверху. Впереди, сзади и сбоку конвой с собаками. На них прикрикивают, загоняя в спецмашину. И, мне кажется, внутри меня появляются дыры-огнестрелы.

И серый мир замер...потому что я вижу ЕГО. Двигаюсь вдоль этого жуткого коридора, чтобы не упустить его шаги, не упустить это постаревшее лицо, осунувшееся, такое родное и в то же время чужое, покрытое густой бородой. Он меня не видит. Он смотрит вперед своими пронзительно синими глазами. Он величественен, прям, натянут как струна, он даже здесь и сейчас гордый, властный и несломленный. И только сейчас я осознаю, с каким именно человеком меня свела судьба.

Какого сильного и несокрушимого мужчину я люблю. Вот оно мое солнце...вот оно спустилось на землю. Сожгло меня в пепел.

Пошла быстрее, вместе с толпой, быстрее, захлёбываясь, всматриваясь, пожирая каждый шаг, каждое движение, каждый жест. Я хочу увидеть его лицо. Я хочу посмотреть ему в глаза последний раз. И громкий крик вырывается из груди:

– Айсбееерг! – потому что по-другому нельзя, потому что имен и прошлого больше нет.

Медленно оборачивается и застывает на доли секунд. Глаза вспыхнули, загорелись, прищурились. Его пытаются гнать. Толкают, орут, пинают.

– Пшел! Давай!

Но он не обращает внимание. Он смотрит мне в глаза. Через клетку, через паутину нашей с ним любви-ненависти, которая сожрала все мое сердце до ошметков. И я стою и чувствую, как обрывки этого сердца разрываются на еще более потрепанные и кровавые обрывки. Мои глаза и его глаза. Взгляд, утопающий во взгляде, сливающийся в единый поток воспоминаний. От секунды моего «Купите меня...» до последнего «Как же я тебя ненавижу». Метнуться вперед, жадно всхлипывая, хватаясь за решетку скрюченными пальцами.

Ударили прикладом по спине, не идет. Продолжает смотреть. Упрямо, по-волчьи, въедливо, и по моим щекам катятся слезы.

– Айсберг... – одними губами, – я люблю тебя.

Сильное, такое всегда холодное лицо кривится, его буквально искажает гримаса боли. Резко отворачивается и идет в машину. Только тогда, когда он решил. Не они с криками, собаками и приказами, а только по его решению. Потому что он Айсберг. Потому что им никогда не поставит его на колени.

– Нет...нет..нет.

Наша толпа бежит вслед за машиной со стоном, с плачем. И я часть этой всеобщей боли. От нее горит все тело, я буквально разорвана этой разлукой, я ею раздавлена, и мне хочется только упасть на асфальт и орать, просто отчаянно орать от бессилия.

Потом долго и до состояния полного опустошения смотреть, как машина уезжает, как превращается в точку. Никто из женщин не уходит. Они все смотрят вслед. Они все провожают глазами. Они стоят тут, чтобы втягивать последние капли запаха, последние флюиды присутствия. Потом начинают расходиться по одной.

Я остаюсь там самая последняя, с неба срывается дождь. И мне он кажется теплым, потому что все мое тело оледенело. Мне даже кажется, что мое сердце больше не бьется.

– Можно узнать у вот этого человека, куда именно их повезли.

Женский голос заставил поднять голову и посмотреть на невысокий силуэт, укутанный в темно-коричневое пальто.

– Ему можно дать пару сотен баксов, и скажет, куда повезли.

Кивнула на конвоира.

– Я знаю куда...

– Счастливая. А я нет....и денег у меня нет, чтоб этот боров мне сказал.

Закурила, пальцы дрожат. Старше меня лет на пять. Лицо уставшее и, наверное, такое же осунувшееся, как и у меня, с синяками под глазами и сухими губами. Рука тянется к сумочке, достаю пару сотен, даю ей.

- На вот, узнай...

- Спасибо! - громко, отчетливо, но без нытья, с какой-то отрешенностью. Взяла деньги и к конвоиру. В глазах бездна надежды. Бежит, что-то кричит, просит. И я вижу, как тот берет деньги. Значит, скажет....Только что это изменит.

Теперь...теперь только на вокзал, как и обещала Гройсману. Наверное, мой мозг уже не понимает, что именно я делаю. Все на автомате. Вызов такси, молчаливое прощание с этим ужасным местом и взгляд в исцарапанное косыми штрихами дождя окно.

Машина едет по улицам этого чужого и такого враждебного города. Города, из которого я теперь так же изгнана, как и ОН. Города, в котором я узнала ЕГО, города в котором я...все же была счастлива своим особенным горьким счастьем.

Ожидание поезда почти такое же болезненное и горькое, как и там...возле того жуткого коридора в прощание и мрак. Уезжать так же больно, как и оставаться. И только мысли о сыне дают силы.

Я не плачу...но мне кажется, что внутри все орет навзрыд. Проводники открывают двери, люди начинают подниматься в вагоны. И я уже готова сесть...как начинает вибрировать мой телефон.

Замерзшими пальцами отвечаю, и тут же обрывается сердце. Голос Гройсмана хриплый, булькающий.

- Яблонева десять...забери...детей, дочка...позаботься...нельзя им теперь.... Забери...я умираю...я умираю...Абросимов Николай...запомни...Абросимов....Он теперь...Абросимов. Город...Н...Абросимов...

Бежать прочь, содрогаясь всем телом, хватая снова такси, бросая сумку в багажник и ощущая, как холодеет все тело, как перехватывает горло. Машина мчится к дому Гройсмана.

Там две скорые...Точнее, одна скорая и...вторая, та, что возит трупы. Из дома вывозят каталку, на ней черный мешок. И я уже точно знаю, кто в этом мешке, потому что внутри омертвевшие кусочки души покрылись инеем, и по щекам снова катятся слезы.

Его еще не закрыли до конца, и я вижу седые волосы и застывший профиль. Врачи что-то говорят, что-то пишут, потом застегивают змейку, и я прижимаю руку ко рту, чтобы не закричать.

Смотрю в тумане, как уезжают скорые, как расходятся люди. Водитель моего такси куда-то уходил что-то спрашивать там у толпы, пока я смотрела расширенными от ужаса глазами на скорые, на черный мешок....и перед глазами видела лицо старика, его седые волосы, его улыбку.

- Говорят, хотели ограбить квартиру и зарезали старика...Какой ужас. Среди бела дня. Что же это делается такое.

Тяжело дыша, смотрю перед собой и ничего не вижу. Меня всю трясет.

- Куда теперь? Вы ведь не выходите?

- Яблонева десять...

А пока ехала слезы из глаз льются рекой...капают на подбородок, оставляют соленые дорожки на щеках. И снова только вспоминать...снова представлять себе, как увидела его когда-то впервые...И как он впервые рассказывал мне о себе. Как уезжала с его помощью в Израиль. Чертов старый актеришка. Как он меня тогда подставил. Ради своего хозяина. Вот кто был предан Айсбергу до самого конца, до последней секунды.

Когда он открыл дверь в халате и в очках, я очень тихо сказала.

- Помогите мне сбежать отсюда...или я расскажу о вашем сговоре с таксистом!

Он долго смотрел на меня, потом кивнул, и я вошла в комнату. Он осмотрел коридор и запер дверь на ключ.

– Послушай меня внимательно, девочка. Я сразу пресеку твои попытки шантажа – так вот, таксист был нанят не мной. Поняла? И не я ему платил за то, чтобы тебя воспитывали.

– А кто платил?

– Ну ты же у нас умная. Сложи дважды два. Или, правда, только для одного и пригодна. Все мозги между ног?

Удар был ощутимым слева. Там, где всегда больно последнее время. Там, где поселился проклятый Айсберг и не морозит, неест, он жжет меня, испепеляет, и нет ни конца, ни края этим ожогам.

– Тогда почему тех...тех убрали, а его нет?

– Потому что те сделали то, чего им не велели. Тронули то, что не принадлежит им. А таксист выполнил свою работу. Он у нас справедливый. Пусть и жестокий.

Нет, я не испытала облегчения. Мною все равно играли, как марионеткой, манипулировали, играли с моей психикой...А я бежала к нему, как к спасителю. Но он же меня и губил. Бьет и ласкает. Тыкает в грязь и жалеет. Держит кнутом и пряником. И самое страшное, что все это работает.

– Я хочу от него уйти!

Гройсман зло засмеялся.

– А кто не хочет? Все хотят. Только от него уйти можно только туда! – показал пальцем вверх. – Не раз ожидал, что ты скоро там окажешься, но тебя с удивительным постоянством жалеют. Что только нашел в тебе? Ведь красивее были, статнее, пышнее. И за меньшее без головы оставались, а ты...ты у нас неприкосновенная.

Тяжело дыша, я смотрела на этого невысокого человека и понимала, что он единственный мой путь к спасению. Он знает этот дом, знает хозяина и знает нужных людей. А еще...он явно меня ненавидит.

– Я вам не нравлюсь?

– Ты никому не нравишься!

– Почему? Что плохого я вам сделала?

Он сел в глубокое кресло и накинул себе на ноги клетчатый плед. Потянулся за маленьким графином и налил в стакан темно-коричневой жидкости на самом дне.

– Настойка по рецепту Тамары Исааковны. Славная была женщина...подруга моей покойной матери.

Отпил из стакана, промокнул рот салфеткой.

– Когда-то я был водителем у очень важного человека, присматривал за его дочерью. Возил на учебу, охранял. Красивая девочка. Добрая, нежная, отзывчивая. Она ко мне хорошо относилась. Ко мне мало кто хорошо относился...В те времена быть жидом было не так престижно, как сейчас. Всей этой толерантности, борьбы за справедливость еще не было. Израилем, Америкой и Германией и не пахло. Особенно для меня. Я же у «шишки» работал. Запрет на выезд пожизненно. Так вот, меня, пархатого, каждая собака пыталась со свету сжить. Далек пробрался, денег много заколачиваю, у генерала в любимчиках хаживаю. Но мы – любимчики до поры до времени, пока сала чужого не нюхнули, а за сало нам сразу скальп снимут и звездочку на груди вырежут. Когда дом генерала обворовали, я был первым кандидатом. На меня каждая вошь пальцем указала. А когда комнату перерыли и денег нашли, сказали, что своим передал. Разнесли синагогу, нашли золотые подсвечники, сказали, это я раввину отдал после того, как золото генеральское переплавил. Генерал скор на расправу – пистолет к башке моей приставил. Она, маленькая такая, выбежала из комнаты своей и бросилась на него, в ногу ему вцепилась, укусила за ляжку. Кричала, что Грося с ней был, сказки ей читал, и чтоб трогать ее Грося не смели.

Генерал руку опустил...Потом, спустя месяц, вора нашли. Оказался сын управдома, далекий от нашей еврейской братии. В доме я в том работал пока девочка замуж не вышла, тогда меня ей и отдали вместе с приданым. Я с ней пробыл до того момента, как уже возраст перестал позволять работу свою выполнять... И она позаботилась, чтоб меня не выкинули...ЕГО попросила. Забрал меня сюда. В вертеп свой. Сказал, слово лишнее скажу и... даже она не поможет.

Так вот девочку ту Людмилой звали. Поняла теперь?

А я это сразу поняла, пока он говорил. Почувствовала. Значит, жена Петра была той девочкой, и Гройсман ей благодарен и любит ее.

- Так вот...до сих пор здесь побывали некоторые, но все они одноразовые и моей девочке ничем не мешали...а ты! - седые брови сошлись на переносице. - А ты задержалась! Если ОНА вдруг узнает...плохо ей будет. Любит она его, понимаешь? Любит! Всегда любила! Отца своего умоляла женить его на ней, в ногах валялась...Женил. Только нахрена женил, если он...ни одной юбки не пропустит. Шлюха за шлюхой у него...

Я кивнула и пальцы сжала, чтобы не выдать своего разочарования, чтобы не разреветься именно здесь и сейчас.

- Так помогите мне убраться! Я исчезну, и ничто не станет угрожать ее счастью. Я тоже не хочу быть его шлюхой! Я жить хочу, детей хочу рожать, замуж выйти...а не вот так!

- Детей она хочет. Такие, как ты, не для детей. Вычистятся, выпотрошатся и дальше ноги раздвигают...как эта француженка. Тоже мне Франция. Мухосранск на выезде. Ее отец канализации чистил, а мать швея. Ленка она. Хахаха...Иванова. А не Эллен. И ты...хахаха...такая же.

Смеялся он тихо, неприятно, но его слова ранили больно и в самое сердце.

- Я не хочу так...сбежать помогите.

- Как я тебе помогу?

– Вы..вы что-то вывозите, я слышала ваш разговор...Вот и меня вывезите. Не то все узнают, что на самом деле вы и есть вор. И в этот раз никто не убежит, и никто за вас не заступится.

Гройсман изменился в лице.

– Я не вор! Поняла? Не вор! А вывозим...потому что и так все выбрасывается. Тоннами. Все продукты. А есть те, кому надо...

– А вы и рады перепродать?

– Не твоё дело, соплячка! Поняла? Я благим занимаюсь...И ни хрена не перепродаю!

– Не моё. Мне плевать, что вы там вывозите. А вот если ОН узнает, не думаю, что ему плевать будет. А я расскажу, не сомневайтесь! Пожалуйста! Умоляю! Я хочу, чтоб вы и меня вывезли. По-другому мне из этого дома не выйти.

– Бредовая затея. Если узнает, что я сделал, голову мне голыми руками оторвет.

– Не узнает... я скажу, что сама спряталась. На вокзал меня отвезете...А ещё мне документы нужны. На чужое имя. Если хотите своей Людмиле помочь, то и мне помочь придётся.

– Документы она захотела!

Но он явно заинтересовался, призадумался и голову подпер рукой, поджав губы.

– А знаешь...помогу. Ты здесь всем, как заноза в заднице. Только чтоб всю эту неделю была тише воды, ниже травы. Чтоб вела себя идеально, и Эллиен чтоб ничего не пронюхала. Она, сука, умная и хитрая. Она на тебя уже ставки сделала. Лепит из тебя леди...

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/soboleva_ul-yana/pervaya-ledi-dlya-prezidenta

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)